

У подножия здания «Цзянцин» смешивались звуки полицейских сирен и скорой помощи.

Когда Лин Фэн прибежал вниз, он как раз увидел, как полиция увозит Шэнь Ли. А заметив Чжоу Лифэнь, примерно понял, что произошло.

Он хотел подойти, но полицейские его остановили.

Полицейская машина и скорая уехали, вокруг снова воцарилась тишина. Лин Фэн ничего не мог сделать: его не подпускали даже здесь, не говоря уже о том, чтобы отправиться в участок и вытащить оттуда Шэнь Ли.

Вспомнив об одном человеке, Лин Фэн позвонил ему.

— Босс Цзи, господина Шэня забрала полиция...

Шэнь Ли вышел из полицейского участка в семь часов. Небо уже стемнело, хотя окончательно ночь ещё не наступила.

Опустив голову, он шёл следом за Цзи Чжоуе.

Цзи Чжоуе не спрашивал, что случилось, а Шэнь Ли сам ничего не рассказывал.

Некоторые вещи незачем проговаривать вслух: оба и так всё понимали. Не расспрашивать — значит оставить ему хоть немного достоинства.

Идущий впереди человек остановился и подождал. Шэнь Ли подошёл к нему.

— Прости. И... спасибо.

— За что ты извиняешься?

Цзи Чжоуе опустил взгляд на него.

Шэнь Ли не осмелился встретиться с ним глазами.

— Не смог вовремя забрать тебя после работы, ещё и неприятностей тебе добавил.

Цзи Чжоуе вскрыл пластырь, взял его за руку и заклеил ранку на тыльной стороне ладони.

Сам Шэнь Ли даже не заметил, когда успел пораниться, и боли не чувствовал.

Но стоило Цзи Чжоуе наклеить пластырь, как ощущение боли словно усилилось: ранка начала слегка саднить.

Шэнь Ли опустил голову, точно ребёнок, который провинился и ждёт выговора. Его ресницы чуть дрогнули.

— Я не виноват, Цзи Чжоуе. Я не сделал ничего плохого.

— Он часто приходит тебя донимать? — спросил Цзи Чжоуе.

Они стояли друг напротив друга.

Шэнь Ли по-прежнему не поднимал глаз, боясь увидеть в глазах Цзи Чжоуе отвращение к себе.

— Нет. Только в этот раз.

Цзи Чжоуе не проводил подробного расследования семейных дел Шэнь Ли, но кое-что всё же знал. Шэнь Ли не стал бы нападать без причины. Даже если кто-то специально его провоцировал, он вполне мог проигнорировать это.

Если только тот человек не задел его самое больное место.

Цзи Чжоуе ничего не сказал: не упрекнул его, не стал выпрашивать подробности, а просто посадил в машину и повёз ужинать.

За ужином Шэнь Ли заказал много алкоголя.

Аппетита не было совершенно, ему не хотелось есть ни кусочка, но под давлением взгляда Цзи Чжоуе он кое-как съел пару ложек, а потом всё время пил.

Пить-то он пил, но всё, что Цзи Чжоуе клал ему в тарелку, тоже приходилось съедать, иначе на него тут же устремлялся угрожающий взгляд.

После ужина Шэнь Ли заметно опьянел. Голова была тяжёлой и мутной; хотелось прислониться к Цзи Чжоуе, но он не решался.

Иногда он и правда был ужасным трусом, а иногда — до невозможности бесстыжим и буквально напрашивался на побои.

— Цзи Чжоуе, я уже пьян. Можно мне сегодня вечером немного распоясаться?

Цзи Чжоуе держал его за руку и вёл к парковке.

— И как именно ты хочешь распоясаться?

— Обнимать тебя, целовать тебя, спать с тобой. — Шэнь Ли действительно выпил слишком много; будь он трезв, ни за что не сказал бы такого. — Ты уже столько раз со мной спал. Если один раз я посплю с тобой — это ведь не перебор?

Цзи Чжоуе запихнул пьяного в пассажирское кресло, наклонился и пристегнул ему ремень.

— Ладно. Вернёмся домой — и разрешу тебе со мной спать.

— Тогда договоримся заранее: всё, что случится сегодня ночью, к завтрашнему Шэнь Ли никакого отношения не имеет.

Цзи Чжоуе даже рассмеялся от злости.

— То есть хочешь похулиганить, а отвечать за это не собираешься?

Шэнь Ли схватил его за руку. Между бровей проступила обида.

— Дело не в том, что я не хочу отвечать. Ты меня не любишь. Цзи Чжоуе, ты меня ненавидишь?

Цзи Чжоуе опустил глаза; понять выражение в них было невозможно.

— Почему молчишь? Я ведь угадал, да?

— Шэнь Ли, ты ничего не понимаешь.

— Не понимаю — так расскажи мне. Расскажешь, и я пойму. — Шэнь Ли чуть запрокинул голову, глядя на него. — Цзи Чжоуе, у тебя что, рта нет? Точно нет.

Пьяный Шэнь Ли становился особенно разговорчивым.

— И у кого из нас рта нет? Не хочу разговаривать с пьяницей.

Цзи Чжоуе закрыл дверцу и обошёл машину к водительскому месту.

Едва он сел, Шэнь Ли расстегнул ремень, повернулся и обнял его, обвив руками шею. Лбом он потёрся о его подбородок.

— Сначала обниму немного.

Цзи Чжоуе не двигался и позволил ему обнимать себя. Вспомнив кое-что, тихо усмехнулся.

Он уже представлял, как завтра проснувшийся Шэнь Ли от всего откажется.

Вот же хитрец. Снова довёл искусство выкручиваться до совершенства.

Через некоторое время человек в его объятиях затих. Цзи Чжоуе опустил взгляд: Шэнь Ли закрыл глаза, но руками всё ещё крепко держался за его талию.

Цзи Чжоуе долго смотрел на него, затем осторожно разжал его руки, очень мягко усадил обратно на пассажирское место и пристегнул.

Дорога занимала двадцать минут. Едва они приехали в поместье и машина остановилась, Шэнь Ли проснулся.

Он был пьян, но не до потери сознания.

Он прекрасно знал, что говорил и что делал, и завтра ничего не забудет.

Он всё делал нарочно.

Только в такие моменты Цзи Чжоуе становился с ним мягким — таким же, как раньше.

Шэнь Ли не знал, примешано ли к этой мягкости что-то ещё или Цзи Чжоуе просто не хотел спорить с пьяным.

То, что сегодня Цзи Чжоуе появился в полицейском участке, оказалось для него неожиданностью.

На самом деле, даже если бы он не пришёл, спустя несколько дней Чжоу Лифэнь всё равно стала бы шантажировать его примирением и требовать денег.

А если бы он упёрся и не заплатил, Чжоу Лифэнь заставила бы Чжао Суна самому согласиться на примирение.

Чжоу Лифэнь была жестокой, но не до конца. Как ни крути, Шэнь Ли оставался её сыном.

Просто себя и своего любовника она любила больше, чем сына. Полицию она вызвала лишь затем, чтобы преподать Шэнь Ли урок и немного усмирить его свирепый нрав.

Шэнь Ли был плох только с Чжао Суном и с ней.

Никто не начинает ненавидеть человека без причины.

Шэнь Ли принял душ и вышел из ванной. Цзи Чжоуе уже успел помыться в другой ванной комнате и теперь, прислонившись к изголовью, смотрел в телефон. Кончики волос всё ещё были мокрыми.

Шэнь Ли удивился: обычно Цзи Чжоуе ждал, пока он закончит, и только потом шёл в душ, а сегодня оказался быстрее него.

Обойдя кровать, Шэнь Ли сел с другой стороны.

— Посмотри телефон, — сказал Цзи Чжоуе.

Шэнь Ли взял телефон с прикроватной тумбочки и увидел запрос на добавление в друзья. На аватарке был аляскинский маламут, а ник состоял из одной буквы: «Y».

Он посмотрел на Цзи Чжоуе.

Тот погасил экран своего телефона.

— Не добавишь?

Не то чтобы Шэнь Ли не хотел. Он хотел ужасно — даже во сне об этом мечтал.

Перед отъездом за границу Чжоу Лифэнь заблокировала его номер, в WeChat он тоже больше не мог войти. За границей Шэнь Ли сменил номер и зарегистрировал новый аккаунт WeChat.

Номер Цзи Чжоуе он помнил наизусть, но добавлять его снова не стал. Тогда они уже расстались, и у него не было ни лица, ни причины снова вмешиваться в его жизнь.

В этом стремительном мире достаточно было мучиться ему одному. Если не тревожить Цзи Чжоуе, тот очень скоро его забудет.

Тогда он именно так и думал.

Шэнь Ли принял заявку в друзья.

Телефон Цзи Чжоуе тут же издал сигнал уведомления. Глянув на загоревшийся экран, он небрежно спросил:

— Ты любишь собак?

Шэнь Ли посмотрел на собаку на аватарке и тихо ответил:

— Люблю.

Аватар Цзи Чжоуе не был похож на картинку из интернета, поэтому Шэнь Ли предположил, что это его собственная собака.

— Как её зовут?

— Шэньли.

У Шэнь Ли задёргался висок.

Цзи Чжоуе завёл собаку и назвал её «Шэньли».

Шэньли и Шэнь Ли?

Какой нормальный человек вообще придумывает такие клички?

<http://bllate.org/book/20857/2148092>